

УДК 94(571.150-25).07

ББК 63.3(2Рос-4Алт)521-283.4

Проблема смертности мещан в Барнауле в первой половине XIX в.

О.В. Меженина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Problem of Mortality among the Burghers in Barnaul in the First Half of the 19th Century

O.V. Mezhenina

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется проблема смертности мещан в городе Барнауле Томской губернии Российской империи дореформенного периода. На основе архивных материалов церковного учета автор дает подробные статистические данные об уровне смертности в мещанской среде Барнаула. Раскрывается динамика показателей смертности мещанства, выявляются характерные тенденции и закономерности, рассматриваются причины происходящих изменений.

Автор констатирует, что для коэффициентов смертности была характерна небольшая тенденция к повышению. В целом показатели смертности Барнаула несколько выше в сопоставлении с общесибирскими значениями. Уровень смертности на всем протяжении интересующего нас периода находился на отметке от среднего до чрезвычайно высокого. Причем почти половина умерших среди мещан в дореформенный период находилась в возрасте до 1 года. Приводятся также статистические данные по причинам смертности мещан Барнаула в дореформенный период. Рассказано об эпидемиях, имеющих место в городе, а также об экологических проблемах, которые здесь появились вследствие развития горнозаводской промышленности.

Ключевые слова: Сибирь, Барнаул, город, мещане, смертность, болезнь.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-19

Первостепенное значение для характеристики демографических процессов в мещанской прослойке имеет такой показатель, как уровень смертности. Он свидетельствует о состоянии ее здоровья и жизнеспособности, уровне естественной убыли населения. Как правило, чем выше уровень урбанизации, тем меньшую величину представляют коэффициенты смертности, так как это предполагает изменение социально-демографических связей, улучшение экономических, санитарно-гигиенических условий, повышение качества медицинского обслуживания.

The article analyzes the problem of mortality of the middle class in the city of Barnaul, Tomsk province of the Russian Empire in the pre-reform period. On the basis of archival materials of the church records, the author gives detailed statistics on mortality in the middle-class environment in Barnaul. The article deals with the dynamics of mortality of the burghers, identifies specific trends and patterns, and discusses the causes of the changes.

The author states in the article that mortality was characterized by a slight tendency to increase. Overall, mortality rate in Barnaul was slightly higher in comparison with common Siberian indexes. The mortality rate throughout the period of interest fluctuated from the medium to the extremely high level. Almost half of deaths among the middle class in the pre-reform period occurred under the age of one year. The paper also gives statistics on such parameters as the causes of death among the burghers of Barnaul in the pre-reform period. The article considers the epidemics taking place in Barnaul, as well as about the environmental problems that were brought about by the development of the mining industry.

Key words: Siberia, Barnaul, city, burghers, mortality, disease.

Демографические показатели нами подсчитаны по материалам церковного учета населения, которые обладают некоторыми недостатками. Так, данные по приходам несколько сглаживают демографическую ситуацию, так как учитывают мещанское население как города, так и сельской местности. Таким образом, при статистическом анализе необходимо учитывать возможные погрешности.

Подробные данные об уровне смертности в мещанстве представлены в таблице 1 [1–13]. В своем анализе мы будем использовать принятую у демо-

графов такую шкалу смертности: низкий уровень — до 10%, средний — 10–14,9%, высокий — 15–24,9%, очень высокий — 25–34,9%, чрезвычайно высокий — 35% и выше [14, с. 159]. Если из нее исходить, то коэффициент смертности среди мещан колебался от среднего до чрезвычайно высокого. Причем средний уровень встречался очень редко, а именно в 1817 г. он равнялся 11,5% (две смерти среди 174 мещан), в 1844 г. — 13,1% (две смерти среди 153 мещан). В остальном коэффициент смертности не опускался ниже 16%.

Рисунок отражает показатели смертности, извлеченные нами из таблицы 1. По графику можно определить, что для коэффициентов смертности мещанства характерна тенденция к повышению. В начале периода (1803–1818 гг.) кривая напоминает волну, которая попеременно то растет, то понижается. В период с 1820 по 1830 г. ее движение стабилизируется, устанавливается очень высокий уровень, и вплоть до 1831 г. кривая сильно не меняет своей траектории. Заметный рост отмечается с 1831 г., когда уровень смертности переходит с очень высокого (29,1% в 1830 г.)

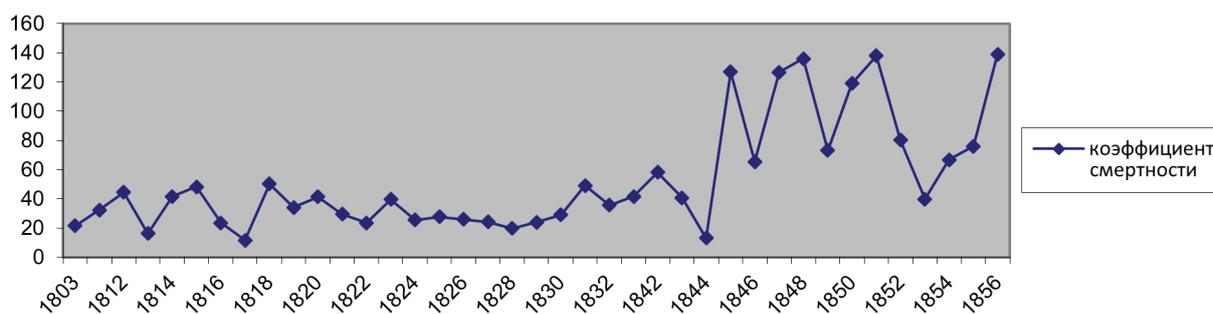
на чрезвычайно высокий (49% в 1831 г.). Но если показатели за 1849 г., 1852–1855 гг. (66,7–80,2%) можно условно принять «допустимыми», то данные за 1845 г. (127%), 1847 г. (126,7%), 1848 г. (136%), 1850 г. (119%), 1851 г. (138%), 1856 г. (139%) следует считать слишком завышенными и, скорее всего, недостоверными. Причина кроется, вероятно, в дефектах статистики. По данным А.Р. Ивонина, в Алтайском районе коэффициент городской смертности увеличился с 26,5% в 1782 г. до 41,4% в 1859 г. или до 47,3% в 1860 г. [15, с. 91].

По таблице 2 можно сравнить показатели смертности мещан Одигитриевского и Петропавловского приходов [1, 7, 9, 10, 15–17]. В движении коэффициентов смертности по Петропавловскому приходу заметна ярко выраженная тенденция к их повышению. Так, в 1813 г. он составил 14,2%, в 1830 г. — 47,9%. Показатели по обоим приходам также чрезвычайно высоки: в 1913 г. — 52,2%, в 1830 г. — 54,3%. Таким образом, нет сомнений, что уровень смертности барнаульского мещанства не уступал общегородским показателям.

Таблица 1

Движение коэффициентов смертности мещанства Одигитриевской церкви г. Барнаула (абс., %)

		1803	1808	1812	1813	1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822
Всего		278	248	248	309	288	270	212	174	199	234	242	238	212
	абс.	6	8	11	5	12	13	5	2	10	8	10	7	5
	%	21,6	32,3	44,4	16,2	41,7	48,2	23,6	11,5	50,3	34,2	41,3	29,4	23,6
		1823	1824	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1842	1843
Всего		202	197	181	193	207	203	209	206	204	196	216	155	147
Умерло	абс.	8	5	5	5	5	4	5	6	10	7	9	9	6
	%	39,6	25,4	27,6	25,9	24,2	19,7	23,9	29,1	49	35,7	41,7	58,1	40,8
		1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856
Всего		153	118	153	150	176	164	151	152	162	176	150	158	172
Умерло	абс.	2	15	10	19	24	12	18	21	13	7	10	12	24
	%	13,1	12,7	65,4	126,7	13,6	73,2	11,9	13,8	80,2	39,8	66,7	75,9	13,9

Движение коэффициентов смертности мещан Одигитриевского прихода г. Барнаула

Движение коэффициентов смертности мещанства в приходах г. Барнаула [18].

		1813			1830		
		Петропавловский	Одигитриевский	Вместе	Петропавловский	Одигитриевский	Вместе
Всего		833	278	1111	751	206	957
Смертей	абс.	12	5	17	36	6	42
	‰	14,4	17,9	15,3	47,9	29,1	43,9

Нельзя, отрицать, что условия жизни в горнозаводском Барнауле были крайне вредными. Это, в первую очередь, сереброплавильное производство, благодаря которому примеси серо-сурьмяного дыма чувствовались, по сообщению П.С. Палласа, уже на подступах к городу [19, с. 374]. Кроме того, он замечает, что наличие на заводе большого количества специфических паров приводит к тому, что «чесотка между барнаульскими жителями была обыкновеннейшая болезнь», но обербергмейстер Ган построил новые печи без выделения паров и есть надежда, что болезнь эта исчезнет [19, с. 385]. Вероятно, чиновник выполнил свое обещание, так как за 1803–1856 гг. в метрических книгах Одигитриевской церкви в записях причины смерти мещан «чесотка» нами не встретилась ни разу [1–13]. Е. Клевакин описывал состояние города так: «удушливый дым разносился на половину города..., влияет (это) на здоровье не знаю, но от этого дыма железо ржавеет, медные вещи делаются черными, дома деревянные тоже чернеют... Один доктор уверяет меня, что этот дым не вреден, а против холеры так и полезен, так как убивает ее» [20, с. 178]. По свидетельству П.А. Голубева, «...от дыма в подгорной стороне набережной (по правую сторону Барнаулки) и других трех параллельных с нею улицах не могут водиться куры» [21, с. 206].

Все-таки нужно признать, что одно только вредное производство не может вызвать резкого повышения уровня смертности в мещанской прослойке, которая, в отличие, например, от мастеровых и приписных крестьян, имела лучшие условия для жизни. Как правило, главной причиной роста смертей являлись эпидемии.

Одной из наиболее опасных эпидемических болезней всегда считалась холера. Не случайно в XIX в. она привлекала особое внимание официальных лиц, медиков, статистиков. Появление ее вызывало панику среди обывателей. Весьма часто из-за недостаточного развития медицины она заканчивалась для заболевшего летальным исходом. На территории России в XIX в. отмечалось несколько эпидемий холеры: в 1823 г.; в 1829–1831 гг.; в 1837 г. [22, с. 44–45]. В мае 1848 г. болезнь была занесена в Западную Сибирь, что отразилось на уровне смертности населения [23, с. 260]. В августе 1853 г. отмечена повторная вспышка этой инфекции в Тобольской

и Томской губерниях [23, с. 261]. Надо отметить, что, в отличие от церковной статистики других губерний Российской империи, в метрических книгах Одигитриевской и Петропавловской церквей (их третьей части — «Об умерших») Барнаула появление болезни не зафиксировано [24, с. 59–69]. Значит, данная эпидемия не явилась причиной резких перепадов в движении коэффициентов смертности мещан.

Проведем анализ причин смерти в приходах г. Барнаула, в котором нам вновь помогут метрические книги [1–13, 16, 17]. Самая распространенная причина смерти, которую священники записывали в метрических книгах, была «от родимца». В Одигитриевском приходе она составляла 32,2% (151 случай), в Петропавловском — 29,4% (243). Умирали по этой причине младенцы до 1 года. Вероятно, так священники называли травмы, полученные после рождения, или какие-либо неизвестные в то время медицине врожденные заболевания, приводившие к летальному исходу.

Другой распространенной причиной смерти являлись болезни, записанные как «понос» и «рвота». От этих симптомов в Одигитриевском приходе умерло 13,9% мещан (65 случаев), а в Петропавловском — 21,3% (176 случаев). Некоторые исследователи полагают, что не имевшие специального образования священники могли так отмечать холеру [24, с. 61]. Не исключено, что это именно так, тем более что в литературе она характеризуется следующим образом. Холерные вибрионы, попадая в организм человека с пищей или водой, выделяют токсины, разрушительно действующие на слизистую оболочку тонкого кишечника и всасывающиеся в кровь. Возникающее при этом обильное выделение жидкости вызывает понос и рвоту [25, с. 45]. Но против этой версии существует аргументы, на наш взгляд довольно весомые. Во-первых, по замечанию И. Завалишина, в Томской губернии «эпидемические болезни были редки..., холера появившаяся в 1846 г. доходила до Оби, а в 1853 г. проникла далее, в средину Томской губернии, но действовала очень слабо» [26, с. 23]. Во-вторых, «эпидемической» болезнью, как правило, заражается все население, а к летальному исходу она приводит людей, страдающих хроническими болезнями, то есть достаточно взрослых. В метрических книгах приходов

Барнаула от «поноса» и «рвоты» умирали дети до 5 лет. Можно предположить, что священники под этой записью подразумевали, например, дифтерию, но никак не холеру. Тем более что по степени распространения среди детских инфекций в XIX в. она занимала третье место [23, с. 297]. Причины высокой детской смертности исследователи в пореформенное время определяли так: «Значительная смертность в сибирских городах происходит от господствующей в них грязи, нечистоты, обыкновенно плохого качества питьевой воды, скопления уголовных ссыльных, не имеющих занятия и приюта, часто вспыхивающих эпидемий тифа, скарлатины и дифтерита» [27, с. 271]. Но по поводу тифа можно с достоверностью утверждать, что в дореформенное время в Барнауле его эпидемии не наблюдалось. В метрических книгах «об умерших» не было встречено ни одной записи о данной болезни. Так, П.А. Голубев отмечал, что «в 1960-е гг. при усиленном движении арестантских партий был занесен возвратный тиф, болезнь до того времени здесь неизвестная». Таким образом, большинство мещанских детей умирало от желудочно-кишечных заболеваний, что в раннем возрасте происходит от отсутствия элементарной гигиены и должного медицинского обслуживания. Как писал И.В. Кулаев в своих воспоминаниях о Сибири, «в 1960-е гг. особенно в захолустных городках Сибири» медицина была плохо организована [28, с. 25].

Значительное количество мещан доживали до старости и умирали по естественной причине. Таких в обоих приходах в первой половине XIX в. насчитывалось 13,9%, причем чаще это происходило в Одигитриевском — 17,9%, реже в Петропавловском приходе — 11,6%. Значительная доля мещан умирала из-за чахотки. В Петропавловском приходе — 8,9%, в Одигитриевском — 10,3%. Возможно, это явилось следствием вредных условий жизни в горнозаводском Барнауле.

Очень часто в метрических книгах приходов Барнаула появлялись записи, в которых в качестве причины смерти указывалась горячка — 10,4%. Распространенно это было среди взрослого населения, в основном среди женщин. Но, как известно, горячка не болезнь, а скорее ее последствие, но последствие чего — это мы можем только предполагать. Возникнуть она могла от простуды, инфекционной болезни, например гриппа, который в дореформенный период уже свирепствовал в Западной Сибири. В Сибирь грипп якобы «принес юго-восточный ветер», в 1827 г. он появился в Кузнецке, Бийске. В 1833 г. распространился по всей Сибири [23, с. 317].

Постоянным бичом детского населения в дореформенный период являлись также корь и скарлатина. Но среди мещанского населения случаи смертельного исхода не составляли значительного процента — в Одигитриевском приходе от кори умерло 1,7%

детей, в Петропавловском — 2,3%. Редкость смертельных случаев, возможно, связана с тем, что с начала XIX в. в России стали производить прививки от оспы [23, с. 297]. Скарлатина еще реже была причиной смерти у мещанских детей. В Одигитриевском приходе не выявлено ни одного смертельного случая, а в Петропавловском таких было шесть (0,5%).

Судя по данным метрических книг, значительное количество смертей среди мещан происходило при отсутствии болезни — 4,3%. Так, от несчастных случаев погибло 1,7% («убиты», «задавлены», «ушиблены», «утонули»), 1,2% умерли от «удушения». В метрических книгах было записано определенное количество мещан, умерших от «странной», на наш взгляд, причины — «биться, колотья» — 1,4%. В основном это были женщины. Можно предположить, что умирали они из-за жестокости мужей, так как в XIX в. внутрисемейные отношения складывались под влиянием беспрекословного подчинения главе семейства, который мог применять к домочадцам физическую расправу [29, с. 270]. Часто мещане умирали по неизвестной причине, священники это записывали просто — «скоропостижно». Таких смертельных случаев было 2%.

Одним из важнейших демографических показателей является половозрастная структура смертности. Наибольший процент умерших приходился на детей в возрасте до 1 года. Так, в Одигитриевском приходе младенческая смертность составила 45,3%, в Петропавловском — 54,8%, итоговый показатель по обоим приходам равен 51,6%. Младенческая смертность достигала довольно широких масштабов. В 1838 г. в метрических записях Одигитриевской церкви из 13 родившихся в этом же году умерло восемь детей [2, л. 42–50]. Такая картина встречалась практически каждый год.

По итогам анализа видно, что больше в младенческом возрасте умирало мальчиков, хотя разница между полами незначительная — в Одигитриевском приходе она составила 17 человек, в Петропавловском — 28. В возрастной группе 2–4 лет доля умерших невысокая — 5,8%. В итоге больше половины смертности мещан в первой половине XIX в. приходилось на детей не старше 5 лет (57,4%).

На отрезок жизни от 5 до 19 лет приходилось 4,7% смертей мещан, в Одигитриевском приходе — 3,4%, в Петропавловском — 5,3%. В возрасте 20–39 лет умирало 9,1% от общего числа (доля женщин и мужчин в отдельности тоже равна 9,1%). В возрасте 40–59 лет — 10,8%, причем здесь мужчины умирали значительно чаще. Соотношение такое: в Одигитриевской церкви мужчины составляли 15,6%, женщины — 9,7%, в Петропавловской церкви — 12,5 и 6,9%, вместе — 13,5 и 7,9%.

В следующей возрастной группе 60–79 соотношение полов меняется, но незначительно в пользу

женщин. Количество смертей среди женщин-мещанок составило в обоих приходах 11,2%, мужчин — 10,3%. На возрастную группу 80–99 лет приходилось 6,7% смертных случаев, где мужчины составили 5,4%, женщины — 8,2%. Свыше 100 лет умерло 0,6% мещан (0,4% женщин и 0,7% мужчин. Таким образом, женщины в мещанской среде в отличие от мужчин доживали чаще до глубокой старости и умирали в основном после 60 лет. Среди мужчин смерть наступала больше в возрасте до 50 лет.

Итак, по результатам статистического анализа развития мещанской семьи Юго-Западной Сибири дореформенного периода можно сделать вывод, что для коэффициентов смертности была характерна небольшая тенденция к повышению. В целом этот показатель на всем протяжении интересующего нас периода находился на отметке от среднего до чрезвычайно высокого уровня. Причем почти половина умерших среди мещан в дореформенный период находилась в возрасте до 1 года.

Библиографический список

1. Центральное хранилище архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 528.
2. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 534.
3. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 543.
4. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 535.
5. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 552.
6. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 561.
7. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 720.
8. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 722.
9. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 726.
10. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 731.
11. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 735.
12. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 744.
13. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 752.
14. Статистика населения с основами демографии. — М., 1990.
15. Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). — Барнаул, 2000.
16. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 511
17. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 522.
18. ЦХАФ АК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 511, 522, 528, 720, 726, 731.
19. Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. II. Кн. 2. — СПб., 1786.
20. Клевакин Е. Барнаульские письма // Алтай. — 1996. — № 1–2.
21. Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.
22. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. — М., 1998.
23. История эпидемий в России (Материалы и очерки) / под ред. и с доп. проф. А.И. Метелкина. — М., 1960.
24. Смирнова С.С. Холера 1848 года в Олонецком уезде (по материалам метрических книг) // Компьютер и историческая демография. — Барнаул, 2000.
25. Токаревич К.Н., Грекова Т.И. По следам минувших эпидемий. — Л., 1986.
26. Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. — М., 1862
27. Головачев П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. — М., 1902.
28. Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания. — М., 1999.
29. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири во второй половине XIX — начале XX в. — Барнаул, 2002.